

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 821.161.09«19»

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_8

EDN: AJHGOP

Переписка Л. Н. Толстого и М. Н. Лонгинова в контексте литературного процесса 1850-х – 1860-х гг.

Валерия Геннадьевна Андреева

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. Автор статьи обращается к истории взаимоотношений Толстого с Михаилом Николаевичем Лонгиновым, описанию произошедшего между ними конфликта и краткой характеристике их переписки. Целью работы является представление целостной картины общения двух современников, при этом в задачи исследования входит восстановление фактов и хронологии событий. Кроме того, с привлечением широкого круга источников в статье показывается, что столкновение, произошедшее между Толстым и Лонгиновым, при всей его спонтанности, было связано с характерами и убеждениями двух писателей. Конфликт был вызван не идеологическими расхождениями, а вольностью стиля и манеры поведения Лонгинова и горячностью Толстого. Автором работы выдвигается предположение о том, что планируемая дуэль с Лонгиновым могла быть обусловлена не естественной, а несколько наигранной моделью поведения Толстого. Особая резкость писателя в отношении к Лонгинову была вызвана не только особенностями характера Толстого, но и его кратковременным проецированием на жизнь и собственные поступки формы поведения своего двоюродного дяди графа Федора Ивановича Толстого, который стал прототипом главного героя повести «Два гусара» – именно над ней писатель работал во время конфликта с Лонгиновым. Вместе с тем, по всей видимости, столкновение с современником в свою очередь повлияло на создание Толстым отдельных сцен и мотивов повести. Отдельное внимание в статье уделяется образу Турбина-старшего, двойственности этого героя, запечатленной в нем страстности и отношению Толстого к этим качествам персонажа. Кроме того, в работе кратко описываются взгляды и убеждения Лонгинова – одного из самых известных библиофилов и библиографов своего времени.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; М. Н. Лонгинов; Н. А. Некрасов; «Два гусара»; дуэль; переписка; формы поведения; прототип; двойственность героя; историческая основа

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661 «Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами. 1860-е годы», <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

Для цитирования: Андреева В. Г. Переписка Л. Н. Толстого и М. Н. Лонгинова в контексте литературного процесса 1850-х – 1860-х гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 8–19. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_8. <https://elibrary.ru/AJHGOP>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Correspondence between L. N. Tolstoy and M. N. Longinov in the literary process of the 1850s – 1860s

Valeria G. Andreeva

Doctor of philological sciences, leading researcher, A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya st., 25a
lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The author of the article turns to the history of Tolstoy's relationship with Mikhail Nikolaevich Longinov, to the description of the conflict that took place between them and briefly describes their correspondence. The purpose of the work is to present a holistic picture of the communication between the two contemporaries, while the objectives of the study include reconstructing the facts and chronology of events. In addition, using a wide range of sources, the article shows that the conflict that occurred between Tolstoy and Longinov, for all its spontaneity, was related to the characters and beliefs of the two writers. The conflict was not caused by ideological differences, but by Longinov's liberty of style and manner and Tolstoy's hot temper. The author of the work suggests that the planned duel with Longinov could have been caused not by a natural, but by a somewhat feigned model of Tolstoy's behavior. Particular harshness of the writer in relation to Longinov was caused not only by the peculiarities of Tolstoy's character, but also his short-term projection on his own life and actions of the behavior of his great-uncle Count Fyodor Ivanovich Tolstoy, who became the prototype of the protagonist in the story «Two Hussars», which the writer was working on at the time of the conflict with Longinov. At the same time, it appears that the conflict with his contemporary influenced Tolstoy's writing certain scenes and motifs in the story. Special attention is paid in the article to the image of Turbin Senior, the duality of this character, the passion imprinted in him and to Tolstoy's attitude to these qualities of the character. The paper also briefly describes the views and beliefs of Longinov, one of the most famous bibliophiles and bibliographers of his time.

Key words: L. N. Tolstoy; M. N. Longinov; N. A. Nekrasov; «Two Hussars»; duel; correspondence; forms of behavior; prototype; duality of the hero; historical basis

This work has been carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00661 «Correspondence of L. N. Tolstoy with Russian writers and publicists. 1860s» <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

For citation: Andreeva V. G. Correspondence between L. N. Tolstoy and M. N. Longinov in the literary process of the 1850s – 1860s. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):8–19. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_8. <https://elibrary.ru/AJHGOP>

Введение. Литературная среда середины XIX в.: жизненные конфликты и литературные столкновения

Литературоведы и читатели нередко замечают, что при сравнении с судьбами многих писателей XIX в. жизнь Л. Н. Толстого заметно отличается: Толстой прожил очень яркую и насыщенную, но при этом достаточно долгую жизнь. Все ее этапы или периоды очень своеобразны, с эволюцией или постепенным изменением убеждений и взглядов Толстого менялось и его окружение. И. В. Петровицкая справедливо отмечает, что на рубеже XIX и XX вв. «Толстой занимал

особое положение в литературе и журналистике» [Петровицкая, 2012, с. 22]. Писатель всегда, в том числе в молодые годы, был в центре внимания современников, даже несмотря на уединенную жизнь в Ясной Поляне он оставался в курсе событий и сам значительно влиял на общественную и культурную жизнь России второй половины XIX в.

Не будет преувеличением сказать, что фактически с момента появления в Москве и Петербурге Толстой, уже зарекомендовавший себя как серьезный писатель, сразу включился в литературную жизнь. Конечно, это оказалось возможным благодаря его сотрудничеству с редакцией

журнала «Современник» и общению с Н. А. Некрасовым. Между тем, период вступления Толстого в литературную среду, упрочения своего влияния, знакомства с разными направлениями был непростым в связи с характером Толстого. Так, мы уже писали о том, что «в переписке Толстого и Некрасова, прежде чем она вышла к определенному уровню доверия и душевного общения пишущих, встретилось немало спорных моментов, противоречий и возмущений, которые были связаны не с человеческим непониманием корреспондентов, но с профессиональной загруженностью Некрасова, не всегда готового подходить к произведениям Толстого и самому автору с особыми мерками, а также с настойчивостью и упорством молодого Толстого» [Андреева, 2023а, с. 71].

В редакции журнала «Современник» и непосредственном окружении (своем и Некрасова) Толстой встретился с первыми серьезными конфликтами. На слуху у литературоведов столкновение Толстого и Тургенева, которое могло закончиться дуэлью и привело к разрыву в отношениях двух знаменитых писателей. В этой статье мы обратимся к истории взаимоотношений Толстого с Михаилом Николаевичем Лонгиновым (1823–1875), описанию произошедшего между ними конфликта и краткой характеристике их переписки. Целью работы является представление целостной картины общения двух современников, при этом в задачи исследования входит восстановление фактов и хронологии событий, также мы намерены показать, что столкновение, произошедшее между Толстым и Лонгиновым, при всей его спонтанности, было связано с характерами и убеждениями двух писателей. Кроме того, в статье выдвигается предположение о том, что планируемая дуэль с Лонгиновым могла быть обусловлена не естественной, а выбранной моделью поведения Толстого. Согласно нашему предположению, особая резкость писателя в отношении к Лонгинову была вызвана не только особенностями характера Толстого, но и его кратковременным проецированием на жизнь и собственные поступки формы поведения своего двоюродного дяди, графа Федора Ивановича Толстого, который стал прототипом главного героя повести «Два гусара» – именно над ней писатель работал во время конфликта с Лонгиновым. По всей видимости, столкновение с современником в свою очередь повлияло на создание Толстым отдельных сцен и мотивов повести.

М. Н. Лонгинов как участник литературной жизни России 1850-х гг.

М. Н. Лонгинов был одним из ярких и известных общественных деятелей второй половины XIX в., получившим при жизни очень противоречивую славу. Однако на рубеже XIX и XX вв. о Лонгинове почти забыли, его имя вспоминалось часто только в качестве примера резкой трансформации общественных и политических взглядов – смены либеральных воззрений на консервативные.

Как и Толстой, Лонгинов в молодые годы входил в круг литераторов журнала «Современник», причем, будучи старше Толстого на пять лет, Лонгинов значительно раньше начал переписку и общение как с редакцией «Современника», с Некрасовым и Панаевым, так и с Тургеневым, который в 1850-е и 1860-е гг. считал Лонгинова хорошим приятелем. Интересно, что в ранних письмах к Лонгинову, который в то время был еще малоизвестен и только начинал писать для журнала, И. И. Панаев обращается «неоцененный друг мой Мишинька», «милейший мой друг», «милый мой Миша». Долгое время к Лонгинову многие коллеги обращались именно как к «Мише». Панаев писал Лонгинову по поводу его жениться 13 января 1855 г.: «Оставляя всякую политику и этикету, не дождавшись от тебя уведомления, я спешу от всего сердца, от всей души поздравить тебя. Обнимаю тебя тысячу раз и запечатлеваю двадцать поцелуев на твоей пухлой щеке» [Панаев, URL]. Между тем, в 1855 г. Лонгинову было 32 года, он к этому времени уже прошел определенный путь служебной деятельности и был чиновником при Московском военном генерал-губернаторе Закревском. В конце 1840-х и в 1850-е гг. он активно сотрудничал с журналом «Современник», но при этом не считал литературу источником дохода – все свои публицистические статьи, мемуары, работы по истории литературы и библиографии Логинов оценивал как серьезное увлечение, но не дело, могущее приносить доход.

Во время сотрудничества с «Современником» многие писатели из окружения Некрасова были с Лонгиновым предельно откровенны, причем не только в вопросах литературных и издательских, но и в личных. Впрочем, и сам Лонгинов активно участвовал в литературной жизни, регулярно, пусть и не часто, поставляя в «Современник» статьи. Так, в письме от 2 мая 1858 г. Панаев, соглашаясь с критикой Лонгиновым «Современника» и одновременно замечая, что неплохо бы ему само-

му что-то написать для журнала, характеризовал печальную ситуацию с набором материала в текущие номера, связанную с «упадком», кризисом, переживаемым известными писателями: «В самом деле, никогда русская литература не была еще в таком плачевном состоянии, как теперь: Тургенев не пишет, потому что в год произвести Асю не значит писать, заниматься делом, литературой серьезно, Толстой – судя по его последнему творению, пошел в драконы, как говорит Гофман про какого-то штатс-рата. Григорович истощился, Островский по крайней мере ослабел. Щедрин весь высказался. Писемский вдался в рутину и так далее...» [Панаев, URL].

С. Шахматова отмечает, что Тургенев почти в каждом письме к Лонгинову давал ему какое-нибудь дружеское поручение, обращался с вопросами и просьбами, «зная, что тот все исполнит со свойственными ему готовностью, аккуратностью и точностью» [Шахматова, URL]. Исследовательница справедливо отмечает, что Лонгинов вникал в интересы Тургенева, с радостью исполнял его желания, высказываемые из-за границы, «и с редкой точностью давал отчет о результатах своих хлопот, не забывая мельчайших подробностей...» [Шахматова, URL]. Можно предположить, что в этом исполнении поручений Тургенева Лонгинов видел не только проявление дружбы и поддержки, но и определенную службу на благо литературы – Тургенева он всегда считал одним из самых значимых писателей. В 1856–1857 гг. Лонгинов публиковал свои первые библиографические заметки о русских литераторах и делал это не с целью прославиться, а, в первую очередь, реализуя основные задачи и положения культурно-исторического метода, восстанавливая историко-литературный контекст интересовавшей его эпохи.

В 1850-е гг., до разрыва с журналом «Современник», Лонгинов разделял либеральные взгляды, ратовал за права и свободы личности. Славянофилы никогда не считали его своим, более того, они видели в нем оппозиционера, однако Лонгинов уважал А. С. Хомякова, наиболее близкой ему была не идея о специфике народной жизни, но стремление Хомякова понять смысл истории народа – не крестьянства, а русского народа и его исторического развития.

О несостоявшейся дуэли весны 1856 г.: конфликт Л. Н. Толстого и М. Н. Лонгинова

По сути дела, в 1856 г. общественные взгляды Толстого и Лонгинова были в чем-то похожи.

Конфликт между ними произошел внезапно и разразился из-за прозвучавшего оскорбления. В частной переписке русские литераторы нередко допускали определенные вольности, иногда близкие к нецензурным и грубым выражениям. Однако, как правило, эти высказывания или характеристики относились к ситуациям или произведениям, сюжетам, героям, русская интеллигенция избегала прямых именованных в письмах кого-либо оскорбительными словами. К примеру, в письме Некрасову от 2 июля 1856 г. Толстой писал о повести В. В. Берви «В глуши», упоминая очень низкий уровень произведения, но, не обзывая автора: «Мне кажется, никогда не было в “Современнике” напечатано такой дряни, да что в “Современнике” — ни на русском, ни на каком другом языке, вот как мне кажется» [Толстой 1928–1958, т. 60, с. 74]. В этом письме Толстого встречаются далее нецензурные фразы, используемые при описании примитивного сюжета (в полном собрании сочинений Толстого отдельные слова этих предложений пропущены), однако писатель прямо не обзывает В. В. Берви.

Ситуация с Лонгиновым оказалась очень острой, поскольку он свободно допускал в письме вольные характеристики своих современников: в послании к Некрасову он нелицеприятно отозвался о Толстом. 19 марта 1856 г. (эта дата устанавливается по переписке Некрасова и Лонгинова, Толстого и Некрасова, а также по более поздней записи писателя в дневнике) Толстой был в гостях у Некрасова, где происходила оживленная игра в карты, во время которой хозяину принесли пакет от Лонгинова на имя Панаева. Некрасов, занятый картами, попросил Толстого вслух прочитать письма Лонгинова. Далее эту ситуацию прекрасно пересказывает Н. Н. Гусев: «В письме оказались какие-то оскорбительные для Толстого выражения, которых Некрасов в своем письме к Лонгинову не повторяет. По записи рассказа самого Толстого об этом эпизоде, сделанной П. И. Бирюковым, Лонгинов намекал на какие-то личные счеты с Толстым, называл его в своем письме дрянью. По записи П. А. Сергеенко, также слышавшего об этом факте от самого Толстого, Лонгинов в своем письме спрашивал Некрасова, правда ли, что Толстой человек “с дрянной душонкой”, то есть не разделяет некоторых либеральных воззрений. Прочитав письмо Лонгинова, Толстой сложил его, возвратил Некрасову и, не говоря ни слова, вышел. Придя к себе, он тотчас же написал Лонгинову резкое письмо с вызовом на ду-

эль, о чем на другой день поставил в известность Некрасова» [Гусев, 1957, с. 28–29]. Некрасов далее постарался принять меры по предотвращению этой дуэли, всю ответственность за произошедшее он взял на себя. В письме к Лонгинову от 20 марта 1856 г. Некрасов писал: «Если есть виноватый в этом деле, то это – я. Я и буду иметь дело с Толстым; а тебя прошу извинить меня за невольную мою и глупую неосторожность и сохранить все это в строжайшей тайне» [Некрасов, 1981–2000, т. 14, кн. 2, с. 10].

Поступок Некрасова был не только благороден, но и рассудителен: разумеется, Толстой не стал бы драться с ним самим. Между тем, к Лонгинову он какое-то время чувствовал острую неприязнь: постепенно она уменьшалась, однако в день ссоры Толстой, по всей видимости, даже не смог ничего записать в дневнике из-за переполняющих его чувств. А спустя три дня, 21 марта 1856 г., Толстой отмечал: «Третьего дня нечаянно прочел письмо Лонгинова и послал ему вызов. Что будет, Бог знает; но я буду тверд и решителен. Вообще это имело на меня благое влияние. Я решаюсь ехать в деревню, поскорей жениться и не писать более под своим именем. – А главное – всегда и со всеми быть сдержанным и осторожным в разговоре» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 68].

Истоки и причины вызова и открытого гнева Толстого – о формах поведения героев повести «Два гусара»

Кроме природной гордости Толстого и его горячности реакция писателя на обидные слова Лонгинова могла быть еще более преувеличена в связи с продумыванием им в это время линии поведения характерного и смелого, вздорного светского героя. Обратим внимание, что за неделю до происшествия с Лонгиновым, 12 марта 1856 г., Толстой записал в дневнике: «Задумал отца и сына» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 68]. За этим названием скрывается будущая повесть Толстого «Два гусара», написанная сравнительно быстро и вышедшая в № 5 журнала «Современник» за 1856 г. По всей видимости, к моменту столкновения с Лонгиновым Толстой уже приблизительно и в общих чертах продумал содержание повести и образы главных героев, в частности, старшего Турбина. Именно поведенческие характеристики этого героя, осмысляемые Толстым в марте 1856 г., могли отчасти повлиять на его реакцию после прочтения письма Лонгинова.

С. Л. Толстой отмечает, что «для характеристики героя первой части повести, Федора Ивановича Турбина, Толстой воспользовался чертами характера и поведением своего двоюродного дяди гр. Федора Ивановича Толстого (1782–1846), прозванного „Американцем”» [Толстой С. Л., 1935, с. 328]. С. Л. Толстой пишет, что Толстой слышал много рассказов о своем двоюродном дяде от общих родственников, и сам однажды в детстве видел Американца, цитирует слова писателя об этом человеке и его образе, хранившемся в памяти Толстого: «Помню его прекрасное лицо, бронзовое, бритое, с густыми бакенбардами до углов рта, и также белые курчавые волосы. Много хотелось бы рассказать про этого *необыкновенного, преступного и привлекательного* человека» (курсив автора статьи) [Толстой С. Л., 1935, с. 329].

Обратим внимание, что в вышеуказанной цитате Толстым объединяются две полюсные характеристики героя. По всей видимости, привлекала писателя решительность и прямота, горячность и своеобразная честность Американца и старшего Турбина, для которого он стал прообразом. Нельзя исключать, что вызывая Лонгинова на дуэль, Толстой отчасти вел себя как его дальний родственник и как старший Турбин в повести, то есть ориентировался на существовавший в его голове образец поведения отважного и дерзкого героя. Своеобразным доказательством этого становятся комментарии Толстым своего поведения по отношению к Лонгинову: писатель не мог забыть эту историю в течение нескольких месяцев. 24 мая 1856 г. Толстой записал в дневнике: «Вздумали ехать в Эрмитаж. Я имел слабость согласиться. Встретил там Лонгинова и имел глупость ходить мимо него, умышленно глядя на него» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 75]. Толстой в данном случае констатирует собственное неуправляемое поведение.

Вместе с тем, существует и обратная зависимость: нельзя исключать, что яркое и затронувшее Толстого до глубины души происшествие с Лонгиновым повлияло на некоторые мотивы и сцены в повести «Два гусара», над которой писатель работал вплоть до 15 или 19 апреля (это понятно по его дневнику). 15 апреля: «Вчера кончил „Отца и сына”» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 68]; 19 апреля: «Кончил даже поправки „Отца и сына”, которых, по совету Некрасова, назвал «Два гусара» – лучше» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 68]. Прежде всего, отметим, что неболь-

шая повесть «Два гусара» содержит не одно, а множество упоминаний о дуэлях.

Первая сцена с упоминанием вызова на дуэль происходит в повести на балу, когда перед Турбиным задирается золотушный молодой человек, делающий ему замечание. По всей видимости, Турбин действительно мог толкаться, однако он не в состоянии вынести обвинения в неучтивости в свой адрес: не давая договорить молодому человеку, Турбин гневно его обрывает, обзывает мальчишкой и упоминает о дуэли: «...что, вы стреляться хотите? Так я к Вашим услугам» [Толстой, 1928–1958, т. 3, с. 161]. Примечательны обвинение и оскорбление, обращенные в адрес Турбина: «Он свинья! Вот что!» – пищал молодой человек [Толстой 1928–1958, т. 3, с. 161].

Второе упоминание о дуэли мы видим в сцене отыгрывания денег Турбиным у Лухнова. Забирая у Лухнова все деньги, нечестным путем приобретенные им в игре, герой замечает: «Ежели вы хотите удовлетворения, то я к вашим услугам, в своем номере еще пробуду полчаса» [Толстой, 1928–1958, т. 3, с. 171]. При этом Турбин в повести Толстого показан как бесстрашный герой, спасающий молодого Ильина, проигравшего и свои, и казенные деньги.

Третье упоминание о дуэли связано с описанием гибели героя: «Граф Федор Турбин уже давно был убит на дуэли с каким-то иностранцем, которого он высек на улице...» [Толстой 1928–1958, т. 3, с. 174]. Спокойное и даже ровное описание гибели Турбина связано с наличием бесконечных угроз и вызовов, которые он сам себе создавал, являясь слишком прямолинейным человеком.

Наконец, четвертое упоминание о дуэли мы видим в финале рассказа. Поводом для планируемого поединка в повести становится оскорбление корнетом Полозовым графа Турбина (сына известного уже читателю Турбина-старшего) в связи с его нечестным поведением и домыслами по отношению к девушке. Однако конфликт улаживается и сглаживается благодаря ротмистру Шульцу: «По приходе на первую дневку предположено было драться. Но ротмистр Шульц, добрый товарищ, отличнейший ездок, любимый всеми в полку и выбранный графом в секунданты, так успел уладить это дело, что не только не дрались, но никто в полку не знал об этом обстоятельстве, и даже Турбин и Полозов хотя не в прежних дружеских отношениях, но остались на «ты» и встречались за обедами и за партиями» [Толстой, 1928–1958, т. 3, с. 200].

По всей видимости, история предполагаемой, но несостоявшейся дуэли с Лонгиновым могла увеличить концентрацию конфликтов в повести, в том числе, обратить особенное внимание автора на проблему поединков. Более того, последний конфликт (не по причине, а по форме) напоминает столкновение Толстого и Лонгинова, фактически улаженное Некрасовым, который оказался не только в некоторой степени виновником столкновения, но и содействовал мирному его урегулированию.

Сходство ситуаций в реальной жизни и в художественном мире повести Толстого связано еще и с тем, что причиной затмения ясного человеческого сознания во многом становится карточная игра. Напомним, что свою просьбу о прочтении письма Лонгинова Некрасов адресовал Толстому потому, что был занят и увлечен карточной игрой. По сути дела, и все чтение письма Лонгинова происходило в атмосфере игры, которая не могла косвенно не повлиять на Толстого. Вся первая часть повести «Два гусара» также связана с карточной игрой, во время и после которой герои находятся как будто не в реальной жизни, а в условном мире, где действуют свои законы.

В. А. Штаб справедливо отмечает глубинную связь повести «Два гусара» Толстого с гоголевскими мотивами, в частности, рассматривая средства создания образа героя-мечтателя, сравнивая Хлестакова из «Ревизова» Гоголя и Ильина из «Двух гусаров»: «В „Ревизоре” и в „Двух гусарах” речь идет об азартной игре. Хлестаков и Ильин неоднократно упоминают о штосе. Но для Ильина все решает случай, и поэтому его „демонического противника” может обыграть только тот, кто представляет некие „высшие” силы – Турбин. Хлестаков же, играя в азартные игры, ведет себя так, будто он вступил в противоборство не с неизвестными роковыми силами, а с равными противниками, и успех игры зависит лишь от избранной им тактики» [Штаб, 2013, с. 71]. Соглашаясь с проведенными параллелями, мы, в то же время, считаем необходимым отметить, что образ старшего Турбина в повести Толстого двойственный – его благородное дело с выручкой Ильина не скрывает страстей, живущих в этом герое. В. А. Штаб разводит Хлестакова и Турбина-старшего с точки зрения их причастности к инфернальному началу: «Своих противников по игре Хлестаков называет инфернальными сущностями: чертями, демонами, бес-тиями. Таким образом, Хлестаков подчеркивает

и свою не совсем человеческую сущность, стремление стать чертом. Именно поэтому Ильин встречается с Турбиным, а Хлестаков успева-ет исчезнуть перед появлением настоящего ревизора. Такой прием, во-первых, усиливает ирреальность повествования. Во-вторых, настоящий ревизор и Турбин наделены функцией окончательной справедливости: они подводят итоги и способствуют дальнейшему изменению. Можно сказать, что Турбин – это тот образ (настоящий гусар), к которому стремится Ильин» [Штаб, 2013, с. 71–72].

По всей видимости, двойственность образа Турбина, который как раз продумывался Толстым в марте–апреле 1856 г., увлекла самого писателя: Толстой и в себе находил элементы дикости, эту фамильную страстность. Однако и «страсть» писатель понимал двояко: с одной стороны, под «страстью» он разумел стремление к активной деятельности (так, деятельный Левин в романе «Анна Каренина», по замечанию Кити, «всё делает со страстью» [Толстой, 1928–1958, т. 18, с. 33]); с другой стороны, под «страстью» Толстой понимал и темную силу, увлекающую человека в неконтролируемые эмоции и действия, греховные стремления души. Толстой писал: «У меня были времена, когда я чувствовал, что становился проводником воли Божьей. Часто я был так нечист, так исполнен *страстями личными*, что свет этой истины затемнялся моей темнотой, но все-таки иногда эта истина проходила через меня, и это были счастливейшие минуты моей жизни» (курсив автора статьи) [Толстой, 1928–1958, т. 53, с. 16].

Не случайно в уже процитированном нами отрывке из дневника от 21 марта 1856 г. сразу после упоминания о вызове на дуэль Лонгинова Толстой сообщает о перемене в своей жизни – отъезде в деревню, решении жениться, быть сдержанным и осторожным. По сути дела, перед нами пример полюсных действий самого Толстого: решение о дуэли и вызов, отправленный Лонгинову, роднят тут писателя с его дальним родственником и старшим Турбиным, а все последующие решения выглядят как возвращение Толстого к нормальной и правильной жизни. Вряд ли можно согласиться и А.В. Штаб в том, что образ Турбина «наделен функцией окончательной справедливости» – об этом же пишет и Л. Н. Синякова: «Турбин-отец – натура стихийная. Рассудочность вытесняется в нем импульсом сиюминутного поступка – но поступок этот всегда носит характер справедливого разрешения

ситуации... Эпизод с шулером Лухновым подтверждает сразу два главных свойства природы Турбина: врожденное чувство справедливости и пренебрежение к материальному (к деньгам)» [Синякова, 2014, с. 173]. Между тем, толстовская правда о воле сиюминутного поступка, о чувстве жизни не является в «Двух гусарах» окончательной истиной: эпизод с Лонгиновым позволил Толстому убедиться в том, что действия под впечатлением первого порыва могут быть ошибочными. Для Толстого образ Турбина был привлекателен своей силой и отвагой, однако писатель понимал, что для этого человека отсутствуют границы и сдерживающие факторы.

Уже поздней весной и летом Толстой переосмысливает свое поведение в отношении Лонгинова – насколько можно судить, ему становится понятной собственная горячность и увлеченность, ее отрицательная основа. В записной книжке за июнь 1856 г. Толстой отмечает: «Только теперь я ясно понял всю глупость своей истории с Лонгиновым» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 186].

2 июля 1856 г. Толстой пишет Некрасову: «Можете себе представить, что только теперь, в деревне, вспомнил историю с Лонгиновым и убедился, до какой степени я глупо и нехорошо поступил во всем этом деле. И теперь от души прошу у вас извинения и то же сделаю с Лонгиновым, как только его увижу. И хотел бы ему рассказать всю историю. Согласны ли вы, чтобы я сказал ему про письмо? Теперь этого я прошу вовсе без кровожадных замыслов. Еще проездом в Москве, я проходил мимо него, величественно глядя ему в глаза. Странная вещь, как мог я в два месяца не понять всей глупости, коли не гораздо хуже, этой штуки, так я теперь это делаю. ... Ежели вы будете видаться с Лонгиновым, то вы меня одолжите, объяснив ему дело и показав ему хоть то, что я вам пишу» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 75–76]. Некрасов ответил Толстому 22 июля 1856 г.: «Рад я об Лонгинове и не сомневался, что вы дойдете до истины. Избыток гордости и упрямство – вам временно заволокли зрение» [Некрасов, 1981–2000, т. 14, кн. 2, с. 25]. Ответ Некрасова был искренним: хоть главный редактор «Современника» и считал себя косвенно виноватым в столкновении Толстого и Лонгинова, все-таки основным «нападающим» в этой ситуации был именно Толстой.

В записях Толстого и его письмах конца 1850-х – начала 1860-х гг. Лонгинов упоминается нередко, однако следы былой недоброжелатель-

ности писателя к современнику пропадают. 4 ноября 1856 г. Толстой отметил в дневнике: «Обедал у Маши, чай пил у Волконских, вечером в клубе, но Лонгинова не дождался» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 98]. 16 мая 1857 г.: «После обеда читал Lascases, приехали Толстые, пошел к ним, имел глупость рассказать историю Лонгинова» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 128]. На самом деле очень странно, что скрытный Толстой стал вообще что-то говорить о Лонгинове – по всей видимости, отсутствие объяснения с последним и собственная ошибка продолжали в глубине души тревожить писателя. 8 февраля 1858 г. Толстой вновь делает в дневнике критичную запись о себе с упоминанием Лонгинова: «Тютчевой очень я проврался про Лонгинова и про удобство жены не аристократки» [Толстой, 1928–1958, т. 48, с. 7].

Однако постепенно тяжесть прошлого странного поведения стала забываться Толстым. Этому способствовали и встречи его в свете с Лонгиновым. Вскоре Толстой начинает делать в адрес Лонгинова критические замечания. Так, 15 сентября 1858 г. он писал: «Вчера у Корша Арапетов, Лонгинов, мелкое злословие. Я ушел» [Толстой, 1928–1958, т. 48, с. 17].

В письме к В. П. Боткину от 26 января 1862 г. Толстой помещает Лонгинова в круг двух других своих знакомых, занимающих крайние общественно-политические позиции, увлеченно воспринимающих не столько душевные движения, сколько внешние события и противопоставляет им своего нового друга – А. А. Фета: «Приедешь в Москву, думаешь, отстал – Катков, Лонгинов, Чичерин вам все расскажут новое; а они знают одни новости и тупы так же, как и год и два тому назад, многие тупеют, а Фет сидит, пашет и живет и загнет такую штуку, что прелесть» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 415]. Судя по тому, что фамилия Лонгинова стоит в одном ряду с фамилией реакционно настроенного Каткова (Толстой планировал сотрудничество с Катковым, представлял его как серьезного издателя) и либерала Чичерина (Толстой в конце 1850-х гг. очень хотел видеть Чичерина своим другом, однако они разошлись по разные стороны [Андреева, 2023b, с. 56–78]), выборка этих трех фамилий была сделана не с учетом преобладающего интереса писателя к какой-то одной общественно-политической позиции, но к внешней направленности размышлений всех упомянутых деятелей. Нельзя сказать, что Толстой и Лонгинов в это время относились к литературе по-разному, но

первый окончательно стал профессиональным писателем, а второй видел в литературе важнейшую отдушину в плане организации умственной и душевной жизни: «Учитывая тот факт, что Лонгинов никогда не был профессиональным литератором, для которого журналистская деятельность – коммерческое предприятие или источник дохода, важность его литературных занятий получает обоснование в сфере идеологии» [Трунин, 2010а, с. 12].

М. Н. Лонгинов как один из видных библиографов-библиофилов

Лонгинов был не только журналистом и мемуаристом, но и талантливым библиографом и библиофилом, историком литературы, который много публиковался – в XIX в. были широко известны его работы о русской литературе XVIII в. – исследования о Новикове, Радищеве, русских журналах. Кроме того, Лонгинов немало писал о Пушкине, Чаадаеве, Лермонтове. Он осознавал серьезность работ о русских писателях, скрупулезность библиографических трудов. Так, на предложение русского библиофила Г. Н. Геннади заняться созданием объемного библиографического труда Лонгинов ответил отказом, так как считал, что такая работа требует полного погружения в материал.

Л. М. Равич отмечает, при всей загруженности Лонгинова, его официальной служебной деятельности, он находил силы для сбора и работы в собственной библиотеке, которая постепенно, усилиями хозяина, стала одной из выдающихся частных библиотек в России: «В России в это время существовало два типа частных библиотек. Первые – частные публичные библиотеки, или „библиотеки для чтения“, как их тогда называли, – служили коммерческим целям; вторые – личные библиотеки – были достоянием библиофилов. Среди этих собраний были чрезвычайно значительные. Библиотеки Соболевского, Полторацкого, Чаадаева, Якушкина, Ефремова, Лонгинова, того же Геннади представляли собой крупнейшие явления русской культуры» [Раввич, 1981, с. 106]. Исследовательница считает, что переписка и дневники библиографов-библиофилов иллюстрируют тесное взаимодействие старшего поколения, поколения Пушкина и декабристов, носителей блистательной культуры александровской поры – Чаадаева, Соболевского, Полторацкого со «вторым поколением, родившимся уже после 1825 г., – Лонгиновым,

Геннади, Якушкиным, Афанасьевым, Полуденским, Ефремовым» [Раввич, 1981, с. 106–107].

Лонгинову была предельно дорога высокая дворянская культура, образованного и деликатного Тургенева он видел продолжателем дела Пушкина. Тем более резко Логнинов, стремящийся к гармонической точности, воспринял изменения в редакции журнала «Современник», когда на работу к Некрасову пришли Чернышевский и Добролюбов. П. Н. Берков вслед за многими учеными отмечает парадоксальную смену взглядов Лонгинова: «...находясь в приятельских отношениях с Некрасовым и Панаевым, Лонгинов считался долгое время либералом, поддерживая такую репутацию громкими фразами против цензуры и в защиту свободного слова. Однако, по существу, Лонгинов всегда был реакционером: обстановка классовая борьба привела к тому, что крепостническая позиция Лонгинова обнаружилась очень скоро и отчетливо, и это обстоятельство закрепило за ним и среди современников и в потомстве вполне основательную репутацию лютейшего обскуранта». Также П. Н. Берков пишет о видении Лонгиновым своего главного врага в русском нигилизме [Берков, 1935, с. 737].

Необходимо признать, что крайние взгляды позднего Лонгинова выработались с течением времени и в определенной степени были связаны с пренебрежением части молодежи к высоким образцам культуры прошлого. Исследователи недоумевают, каким образом либерально настроенный молодой чиновник и общественный деятель Лонгинов мог стать реакционером. М. В. Трунин отмечает, что «исток репутации Лонгинова как „обскуранта“, „реакционера“ и „библиографа-гробокопателя“» были во многом придуманы и преувеличены, связаны с тем, что науку и литературу Логнинов считал прерогативой талантливых энтузиастов, а не рядовой трудовой деятельностью [Трунин, 2011, с. 118]. Исследователь показывает, что Лонгинов стал даже одним из прототипов Калломейцева – героя романа «Новь» Тургенева [Трунин, 2010b, с. 112]. На самом деле, к концу 1860-х гг. в общественных взглядах Лонгинова произошли значительные изменения, однако в советское время они однозначно были преувеличены. Лонгинов выступил резко против всех революционных настроений, а в модном среди молодежи нигилизме он справедливо видел основу отрицания великого дворянского наследия.

Еще в «Речи о значении, которое должно иметь общество любителей российской словесности в современной литературе» (1863) (Лонгинов занимал тогда должность секретаря Общества любителей российской словесности) он с горечью отмечал, что ушло из литературы и общественной деятельности поколение людей, задававших «тон московскому обществу», среди которых были «Чаадаев, А. И. Тургенев, Хомяков, Киреевский, Грановский, С. Т. Аксаков». Лонгинов писал: «А если и выкажется человек, который способен хоть сколько-нибудь сделаться центром небольшого кружка, но осмелится заговорить не в тоне, заданном самовластием новых деспотов – его осыпят клеветами и ругательствами, прославят агентом тайной полиции и зашумят, и загремят на весь мир те некоторые, которые хотят уверить, что они все» [Лонгинов, 1935, с. 749].

После отмены крепостного права Лонгинов был озабочен положением дворян, он не считал крестьянство способным к самостоятельному решению каких-либо вопросов в силу отсталости и заботности, видел наиболее важным привлечение к государственному управлению и общественной работе интеллигенции. В письме к А. М. Жемчужникову Лонгинов писал: «Ты спрашиваешь: какой мой идеал? Конституционная монархия, где все равны, как граждане, но политическое значение считается... принадлежностью части народа, умеющей рассуждать и заинтересованной в решении государственных вопросов, стоящих выше помыслов о насущном хлебе для своей избы» [Письмо, 1935, с. 752].

Переписка Толстого и Лонгинова середины 1860-х гг.

Восстановление и упрочение отношений Лонгинова с Толстым состоялось в конце 1863 г. – начале 1864 г., когда Лонгинов оказался полезен писателю как хранитель множества книг, грамотный советчик в плане выбора литературы, необходимой писателю, работавшему над «Войной и миром».

Переписка Толстого и Лонгинова не сохранилась в полном объеме, сейчас нам известны лишь тексты трех писем Толстого к Лонгинову – во всех из них речь идет о книгах. В письме от 19 марта 1864 г. Толстой сообщает, что возвращает ранее взятые у Лонгинова книги, пишет об их количестве и уверяет, что ни одна из книг не могла затеряться: «Книг ваших у меня 4. И чтений общества... только одна. Я не мог ошибиться

и затерять ваши книги, ибо горжусь тем, что у меня большой порядок для книг, в особенности для чужих, для которых существует особая полка» [Толстой, 1928–1958, т. 61, с. 40]. А уже в письме от 26 марта 1864 г. Толстой извиняется, что все-таки ошибся в количестве книг: «Очень мне совестно, любезный Михаил Николаевич, за то, что я похвастался своим порядком в книгах, да тут-то и попался! Дело в том, что в то время, как я брал у вас книги, я много накупил, и две из ваших книг, именно: Походные записки русского офицера и брошюры, я, спутав, принял за свои книги и не отложил» [Толстой, 1928–1958, т. 160, с. 42]. Обратим внимание, что Толстой максимально вежлив и сдержан в переписке с Лонгиновым, он сам просит прощения за путаницу со взятыми книгами. В вознаграждение за мнимую пропажу Толстой просил Лонгинова захватить к нему и взять у него книги, которые могли показаться ему достойными. Обмен книгами и такое творческое взаимодействие лучше всего характеризует полное примирение Толстого и Лонгинова. При этом некоторая путаница с изданиями не означает невнимательного отношения Толстого к источникам. Как отмечает Г. В. Алексеева, «книги не только поступали в библиотеку, но и легко „уходили“ из нее: Л.Н. Толстой „записным“ библиофилом не был» [Алексеева, 2019, с. 120]. Привлекает внимание и подпись Толстого под этими двумя мартовскими письмами Лонгинову – «Искренно преданный Вам гр. Л. Толстой».

Еще одно краткое сохранившееся письмо Толстого Лонгинову, в котором Толстой уведомлял о том, что посылает Лонгинову «архив» (это может быть журнал «Русский архив») может быть датировано примерно 22 или 23 ноября 1865 г. Такая дата устанавливается в связи с письмом Толстого А. А. Толстой от 26–27 ноября 1865 г., в котором писатель сообщал: «Третьего дня я был в Туле, видел М. Лонгинова и он, между прочими новостями, равнодушно сказал мне о замужестве Тютчевой и вашем назначении» [Толстой, 1928–1958, т. 61, с. 120]. Упоминание Лонгинова в этом письме Толстого глубоко символично и связано со всеми четырьмя страницами текста послания. Писатель приводит слова Лонгинова, сказанные об А. А. Толстой: «Хотя он вас не знает, кажется, вам будет интересно знать, в каких выражениях он сказал мне это: „Анна Тютчева так надоела им всем, что они рады были отвязаться от нее, а лучше Толстой они не могли, т. е. нельзя найти на ее место“» [Тол-

стой, 1928–1958, т. 61, с. 120]. После рассуждений о браке И. С. Аксакова и Тютчевой Толстой переходит к мысли о сильных сторонах А. А. Толстой, в которой, по его словам, есть плоть и кровь, людские страсти, так необходимые для живого и деятельного воспитания человека. Нельзя исключать, что слова, произнесенные Лонгиновым (в 1856 г. по отношению к нему Толстой поступил по повелению внутреннего дерзкого голоса), натолкнули Толстого на эти размышления о страстности натуры и прямоте человека: «Воспитатель есть первый ближайших человек, над которым они делают свои наблюдения и выводы, которые они потом прикладывают ко всему человеческому. И чем более этот человек одарен человеческими страстями, тем богаче и плодотворнее эти наблюдения. И вы такой человек. В вас есть общая нам толстовская дикость. Не даром Федор Иванович татуировался» [Толстой, 1928–1958, т. 61, с. 123].

Таким образом, можно сделать вывод, что состоявшийся конфликт Толстого и Лонгинова был связан не с идейными противоречиями, а с определенной вольностью поведения Лонгинова и обостренной реакцией на резкие слова в свой адрес Толстого. Решительные действия последнего были обусловлены, в том числе, и ориентацией на форму поведения героя повести «Два гусара», над которой Толстой в то время работал. Упоминания о Лонгинове в дневнике Толстого, в его письмах свидетельствуют о том, что писатель переосмыслил свое поведение, а спустя определенное время посчитал его недопустимым. Сохранившиеся письма Толстого к Лонгинову 1864–1865 гг. свидетельствуют о восстановлении приятельских взаимоотношений между современниками.

Библиографический список

1. Алексеева Г. В. Личная библиотека Л. Н. Толстого как музейная коллекция и как объект научных исследований // Литературные музеи в контексте истории и культуры. Москва : Литературный музей, 2019. С. 116–125.
2. Андреева В. Г. Переписка Л. Н. Толстого и Н. А. Некрасова: о первом и знаковом непонимании корреспондентов // Вестник Костромского государственного университета. 2023а. Т. 29. № 1. С. 68–72.
3. Андреева В. Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023б. Т. 5. № 1. С. 54–83.
4. Берков П. Н. Н. М. Лонгинов в 60-х гг. // Литературное наследство. Т. 22–24. Москва : Журнально-газетное объединение, 1935. С. 737–741.

5. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. Москва : Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.

6. Лонгинов М. Н. Речь о значении, которое должно иметь общество любителей российской словесности в современной литературе / публ. П. Н. Беркова. // Литературное наследство. Т. 22–24. Москва : Журнально-газетное объединение, 1935. С. 742–751.

7. Некрасов Н. А. Полн. собр. сочинений и писем в 15 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Ленинград : Наука, 1981–2000.

8. Панаев И. И. Письма к М. Н. Лонгинову. URL: http://az.lib.ru/p/panaew_i_i/text_1859_pisma_k_longinovu_oldorfo.shtml (дата обращения: 12.05.2023)

9. Петровицкая И. В. Переписка Льва Толстого с писателями, журналистами, издателями // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 2. С. 21–40.

10. Письмо М. Н. Лонгинова А. М. Жемчужникову // Литературное наследство. Т. 22–24. Москва : Журнально-газетное объединение, 1935. С. 752–754.

11. Равич Л. М. Г. Н. Геннади (1826–1880). Москва : Книга, 1981. 127 с.

12. Синякова Л. Н. Философская этика Л. Н. Толстого в художественно-антропологической динамике повести «Два гусара» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2014. Т. 13. № 2. С. 170–177.

13. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва : Худож. лит., 1928–1958.

14. Толстой С. Л. Два гусара. Комментарии // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 3. Москва : Худож. лит., 1935. С. 327–329.

15. Трунин М. В. Литературная репутация М. Н. Лонгинова: 1850-е–1870-е годы. Москва, 2010а. 26 с.

16. Трунин М. В. «Что лучше, качество или количество?»: М. Н. Лонгинов в противостоянии литературного фонда и Общества любителей российской словесности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 4. С. 109–121.

17. Трунин М. В. «Со всей ехидностью ренегата», или М. Н. Лонгинов как главный прототип образа Каломейцева в романе И. С. Тургенева «Новь» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010б. № 4. С. 92–100.

18. Тургенев И. С. Переписка с М. Н. Лонгиновым. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_1872_perepiska_s_longinovu_oldorfo.shtml (дата обращения: 12.05.2023)

19. Шахматова С. Переписка Тургенева с М. Н. Лонгиновым. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_1872_perepiska_s_longinovu_oldorfo.shtml (дата обращения: 12.05.2023)

20. Штаб В. А. Гоголевский тип героя в творчестве Л. Н. Толстого (на материале произведения «Два

гусара») // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 69–73.

Reference list

1. Alekseeva G. V. Lichnaja biblioteka L. N. Tolstogo kak muzejnaja kollekcija i kak ob#ekt nauchnyh issledovanij = Leo Tolstoy's personal library as a museum collection and an object of scientific research // Literaturnye muzei v kontekste istorii i kul'tury. Moskva : Literaturnyj muzej, 2019. S. 116–125.

2. Andreeva V. G. Perepiska L. N. Tolstogo i N. A. Nekrasova: o pervom i znakovom neponimanii korrespondentov = The correspondence of L. N. Tolstoy and N. A. Nekrasov: on the first and significant misunderstanding betshheen the correspondents // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023a. T. 29. № 1. S. 68–72.

3. Andreeva V. G. «Ljubeznyj drug... ne serdis' za otkrovennost'!»: perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina = «My dear friend... do not be angry for my frankness!»: correspondence betshheen L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin // Dva veka russkoj klassiki. 2023b. T. 5. № 1. S. 54–83.

4. Berkov P. N. N. M. Longinov v 60-h gg. = N. M. Longinov in the 60s // Literaturnoe nasledstvo. T. 22–24. Moskva : Zhurnal'no-gazetnoe ob#edinenie, 1935. S. 737–741.

5. Gusev N. N. Lev Nikolaevich Tolstoj. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god = Lev Nikolayevich Tolstoy. Materials for the biography from 1855 to 1869. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1957. 915 s.

6. Longinov M. N. Rech' o znachenii, kotoroe dolzhno imet' obshhestvo ljubitelej rossijskoj slovesnosti v sovremennoj literature = Speech on the importance the Society of Russian Literature Lovers should have in modern literature / publ. P. N. Berkova. // Literaturnoe nasledstvo. T. 22–24. Moskva : Zhurnal'no-gazetnoe ob#edinenie, 1935. S. 742–751.

7. Nekrasov N. A. Poln. sobr. sochinenij i pisem v 15 t. = Complete collection of shhorks and letters in 15 vols. / Akad. nauk SSSR, In-t rus. lit. (Pushkinskij dom). Leningrad : Nauka, 1981–2000.

8. Panaev I. I. Pis'ma k M. N. Longinovu = Letters to M. N. Longinov. URL: http://az.lib.ru/p/panaeshh_i_i/teht_1859_pisma_k_longinovy_oldorfo.shtml (data obrashhenija: 12.05.2023)

9. Petrovickaja I. V. Perepiska L'va Tolstogo s pisateljami, zhurnalistami, izdateljami = Leo Tolstoy's correspondence shhith shhriters, journalists, publishers // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika. 2012. № 2. S. 21–40.

10. Pis'mo M. N. Longinova A. M. Zhemchuzhnikovu = M. N. Longinov's letter to A.M. Zhemchuzhnikov // Literaturnoe nasledstvo. T. 22–24. Moskva : Zhurnal'no-gazetnoe ob#edinenie, 1935. S. 752–754.

11. Ravich L. M. G. N. Gennadi (1826–1880) = G.N. Gennadi (1826–1880). Moskva : Kniga, 1981. 127 s.

12. Sinjakova L. N. Filosofskaja jetika L. N. Tolstogo v hudozhestvenno-antropologicheskoj dinamike

povesti «Dva gusara» = L. N. Tolstoy's philosophical ethics in the artistic anthropological dynamics of the story «Tshho Hussars» // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Filologija. 2014. T. 13. № 2. S. 170–177.

13. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete shhorks in 90 vols. Moskva : Hudozh. lit., 1928–1958.

14. Tolstoj S. L. Dva gusara. Kommentarii = Tshho Hussars. Commentary // Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch. v 90 t. T. 3. Moskva : Hudozh. lit., 1935. S. 327–329.

15. Trunin M. V. Literaturnaja reputacija M. N. Longinova: 1850-e–1870-e gody = M. N. Longinov's literary reputation: 1850s–1870s. Moskva, 2010a. 26 s.

16. Trunin M. V. «Chto luchshe, kachestvo ili kolichestvo?»: M. N. Longinov v protivostojanii literaturnogo fonda i Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti = «Shhhat is better, jaulality or jauantity?»: M. N. Longinov in the confrontation betshheen the Literary Foundation and the Society of Russian Literature Lovers // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2011. № 4. S. 109–121.

17. Trunin M. V. «So vsej ehidnost'ju renegata», ili M. N. Loginov kak glavnyj prototip obraza Kallomejceva v romane I. S. Turgeneva «Nov'» = «Shhith all the acerbity of a renegade», or M. N. Longinov as the main prototype of Kallomeitsev in I. S. Turgenev's novel «Virgin Soil» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2010b. № 4. S. 92–100.

18. Turgenev I. S. Perepiska s M. N. Longinovym = Correspondence shhith M.N. Longinov. URL: http://az.lib.ru/t/turgeneshh_i_s/teht_1872_perepiska_s_longinovym_oldorfo.shtml (data obrashhenija: 12.05.2023)

19. Shahmatova S. Perepiska Turgeneva s M. N. Longinovym = Turgenev's correspondence shhith M.N. Longinov. URL:

http://az.lib.ru/t/turgeneshh_i_s/teht_1872_perepiska_s_longinovym_oldorfo.shtml (data obrashhenija: 12.05.2023)

20. Shtab V. A. Gogolevskij tip geroja v tvorcestve L. N. Tolstogo (na materiale proizvedenija «Dva gusara») = Gogol's type of hero in Leo Tolstoy's shhork (on the material of «Tshho Hussars») // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 3. S. 69–73.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 15.05.2023; approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.